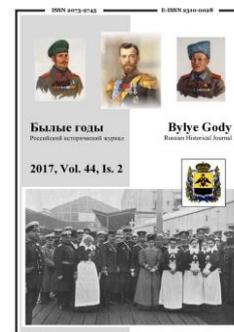

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 625-634, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.625
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Intelligentsia and the Folk between Russian Revolutions (1905–1917)

Tatiana V. Gryaznukhina ^a, Anna A. Sejtkanova ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a,*}, Denis N. Gergilev ^a,
 Larisa F. Malutina ^a

^a Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract

The article describes main aspects of creative activity of the artistic intelligentsia at the turn of XIX–XX centuries. The events of the 1st Russian Revolution, having demonstrated folk power, made intelligentsia change their attitude toward the folk. Folk ideas had been present at artwork of intelligentsia before, and a new twist and form of artistic expression was added later. Addressing folk theme, according to intelligentsia's opinion, would help them to understand the folk soul and solve the problem of interactions between intelligentsia and the folk. Intelligentsia considered the history of Russia and the history of its folk as a whole, that is why addressing the past dominated in subjects of intelligentsia's artwork. Attempts to develop a deeper understanding of folk's world perception made intelligentsia pay more attention to folk art. Depending on their appreciation of art and aesthetic preferences, artists payed their attention to the things, that formed the basis of folk art: folklore, frescoes, icons, lubok. The processes, taking place in Russian artistic life, reflected in Siberian artistic intelligentsia's works. Siberian intelligentsia, being in most cases first-generation, were less disconnected from folk, if compared with the intelligentsia, living in the central part of Russia. They saw devotion to the folk as their primary mission, and the folk were the main inspiration source for their artwork. The article describes the way the folk theme is presented in the artwork of greatest representatives of artistic intelligentsia, substantiates the role of the artwork and its significance for the development of culture in general, and shows its incapability to be widely understood by the folk.

Keywords: the intelligentsia, people, creativity, culture, Russia, Siberia, revolution.

1. Введение

Революционные события 1905–1907 гг. продемонстрировали всю силу и мощь народного гнева, но стоявших перед обществом проблем не решили. Глобальный вопрос, – по какому пути будет развиваться Россия, и какой будет ее новая история, остался открытым. Достижения научной мысли XIX в., облегчив материальные условия жизни людей, на волновавшие их вопросы ответов не дали и счастливыми не сделали. В общественном сознании все больше стала укрепляться мысль, что решить насущные проблемы и определить перспективы дальнейшего развития России, можно только следуя по пути духовного и нравственного преобразования общества. Считая себя выразительницей общественного самосознания, миссию нравственного обновления общества взяла на себя творческая интеллигенция. Творческая элита России полагала, что формируя нравственные принципы и устои посредством искусства, творцом которого она являлась, можно приблизить общество к Новозаветному идеалу. Решение всех проблем она видела в своем соединении с народом, который становился главным героем ее творчества.

* Corresponding author

E-mail addresses: tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), annakesarevna@mail.ru (A.A. Sejtkanova), agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), malutina@mail.ru (L.F. Malutina)

Сила народной стихии, проявившаяся в годы революции, одновременно и восхищала и пугала интеллигенцию. В ее глазах народ ассоциировался с движущей силой истории и, обращаясь к народному искусству, она пыталась найти в нем источник вдохновения для своего творчества.

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе документов государственных архивов Омской, Иркутской областей и Красноярского края, воспоминаний и писем российской творческой интеллигенции начала XX в., материалов периодической печати этого периода.

Методологической основой исследования являются методы анализа, синтеза, обобщения. Использование принципа историзма позволило проанализировать исследуемый материал в контексте происходивших общественно-политических и социально-экономических процессов. Применение сравнительно-исторического и проблемно-хронологического методов позволило исследовать научные проблемы в их последовательном развитии и проанализировать аналогичные процессы, происходившие в России и Сибири в начале XX в.

3. Обсуждение

Проблема взаимоотношений интеллигенции и народа в России не переставала быть актуальной. Большое внимание ей уделяли авторы знаменитого сборника «Вехи», изданного в 1909 г., они указывали на то, что интеллигенция, проникая в народ, разрушала его сложившиеся традиции и культурные ценности, не давая ему взамен фактически ничего. Взаимоотношения интеллигенции и народа на рубеже веков стояли в центре внимания творческой элиты. О них писали А. Блок ([Блок, 1909](#)), В. Иванов ([Иванов, 1907](#)), Г. Тастевен ([Тастевен, 1907](#)), Д. Мережковский ([Мережковский, 1900](#)), Д. Философов ([Философов, 1901](#)).

Особую ценность для исследования данной проблемы представляют журналы «Золотое руно», «Аполлон», «Журнал театрально-литературно-художественного общества», «Мир искусства». Эти журналы дают возможность наиболее полно представить художественную жизнь того времени, взглянуть на проблемы глазами современников эпохи.

Представляет несомненный интерес и содержит большой фактический материал для исследования темы монография П. Милюкова «Очерки по истории русской культуры» ([Милюков, 1994](#)).

Об интеллигенции Сибири и ее культуре богатый материал содержится в статьях и публикациях Г. Потанина ([Потанина, 1908](#)).

В 1960–1990-е гг. проблемам интеллигенции были посвящены монографии А.А. Соловцова ([Соловцов, 1969](#)), В.Н. Орлова ([Орлов, 1980](#)). В них дается анализ мировосприятия интеллигенции, освещаются различные аспекты ее творческой деятельности. Влиянию интеллигенции на другие социальные слои посвящена монография Г.И. Щетининой «Идейная жизнь русской интеллигенции: конец XIX – начало XX вв.» ([Щетинина, 1995](#)).

Среди современных исследователей, посвящавших свои труды интеллигенции, ее взаимоотношениям с властью и народом можно назвать М. Мунтяна ([Мунтян, 1992](#)), О. Козлову ([Козлова, 1995](#)), В. Жидкова ([Жидков, 2001](#)). По мнению авторов, интеллигенция – это феномен чисто русского происхождения, принципиальным образом отличающийся от всех других социальных слоев. Авторы сборника «Русская интеллигенция. История и судьба» акцентировали свое внимание на исследовании социальных и исторических корней интеллигенции ([Русская интеллигенция, 2001](#)). Вопросам формирования сибирской интеллигенции и ее просветительской деятельности посвящена монография Н.Я. Артамоновой «Интеллигенция Восточной Сибири: опыт формирования и деятельности (конец XIX – середина XX вв.)» ([Артамонова, 2000](#)). Творческая деятельность сибирской интеллигенции анализируется в тематическом сборнике, изданном в Томске ([Художественная жизнь, 2000](#)). Сибирские исследователи посвящали свое внимание вопросам влияния и значения деятельности интеллигенции в формировании культурного пространства городов ([Самойлова, 2006](#)), повседневной жизни городской интеллигенции ([Калашникова, 2008](#)). В последние годы появились историографические работы по истории интеллигенции Южной ([Троякова, 2013](#)) и Восточной Сибири ([Данькина, 2015](#)).

Зарубежные исследователи рассматривали в своих работах проблемы творчества художественной интеллигенции России на рубеже XIX–XX вв. ([Кассу, 1998](#)), ее судьбы ([Finkel, 2003](#)), отношения творческой интеллигенции к культурным процессам в России ([Кристиан, 2000](#)), вопросы сибирского областничества ([Pereira, 1993](#)), представления образа Сибири в произведениях иностранных авторов ([Schumann, 2010](#)).

Научные исследования XX – начала XXI вв. внесли существенный вклад в изучение проблемы интеллигенции в России и ее отношений с народом, это свидетельствует о том, что актуальность темы не ослабевает со временем, и нуждается в новом подходе к осмыслению накопленных знаний.

4. Результаты

В сознании интеллигенции исторически сложилось так, что понятия «народ» и «Россия» слились воедино. И поэтому взаимоотношения с народом волновали ее всегда. Но, пожалуй, ни в

одной стране мира не было такого трагического непонимания между элитой общества и народом. По сути, они представляли собой две совершенно разные культуры, практически не имевшие точек соприкосновения. «Мы жили среди огромной страны, словно на необитаемом острове... Мы были последним актом трагедии – разрыва народа и интеллигенции» – писала Е. Кузьмина-Караваева, член кружка В. Иванова на «Башне» (Орлов, 1980: 247). О «трагической участи» русской интеллигенции писал Д. Мережковский. Она, по его мнению, оказалась «между двумя гнетами: гнетом сверху и гнетом снизу, темной народной стихии, не столько ненавидящей, сколько не понимающей, – но иногда непонимание хуже всякой ненависти» (Мережковский, 1993: 95). В «отщепенстве» от народа, его быта и образа жизни видели трагедию русской интеллигенции авторы сборника «Вехи». По их мнению, она растворяла себя в служении народу, но никогда не могла приблизиться к нему настолько, чтобы он считал ее своей. И все же, несмотря на «разрыв» и «непонимание» с народом представить свое творчество вне народной тематики русская интеллигенция не могла. Пытаясь осмыслить ход послереволюционного развития России, художники, поэты, музыканты, деятели театра обращали свой взор на прошлое страны, которое должно было помочь разобраться в настоящем. Усилия интеллигенции были направлены на то, чтобы через познание истории постичь язык и характер народа. Практически вся творческая интеллигенция считала связь с народным искусством необходимым элементом своей деятельности. Тема России, ее народа и раньше занимавшая не последнее место в ее творчестве, после поражения революции 1905–1907 гг., была представлена ею наиболее ярко в новом художественном осмыслении.

Русская старина воскресает в мелодиях 3-го концерта С. Рахманинова, написанного в 1909 г. Передавая величественный и трагический дух русской старины, композитор впервые в фортепьянной музыке использует колокольный звон. Суровая простота его музыки ассоциируется с древнерусской живописью, с иконой (Соловцов, 1969: 89). Жизнеутверждающей силой поражают произведения И. Стравинского. Народная тематика, русская песня являлись основой для его творческой фантазии. «Я всю жизнь по-русски говорю, у меня слог русский. Может быть, в моей музыке это не сразу видно, но это заложено в ней, это в ее скрытой природе...» – говорил композитор (Стравинский, 1962). В 1910 г. И. Стравинский приступил к созданию балета «Петушок». Сценарий разрабатывал Н. Рерих, помогая понять мир русской архаики. Он также предложил композитору сценарий «Весны священной», где нет сюжета как такового. Перед зрителем разворачивается картина священной ночи у древних славян, разыгрываются ритуальные сцены языческого календаря. Главное здесь не личные переживания, а суть и смысл обряда, который повторялся многими поколениями. Важно понять назначение обряда – это значит понять мировоззрение народа, его душу. Эти же мотивы звучат и в хореографической кантате «Свадебка», к работе над которой Стравинский приступил в 1914 г. (Друскин, 1982: 49).

На рубеже XIX–XX столетий происходило эстетическое открытие прошлого, оно неотъемлемой частью входило в современную жизнь. Нравственное совершенствование современного человека представлялось возможным через его приобщение к прошлому, когда люди жили в гармонии с природой. Обращаясь к истории страны, переосмысливая традиции Древней Руси, элементы ее художественной жизни (иконы, фрески, лубок, фольклор) и вводя их в современное искусство, творческая интеллигенция пыталась преобразовать действительность через нравственное совершенствование человека.

Свое поэтическое видение прошлого предлагал Н.К. Рерих. Воссоздавая историю народа, он пытался передать его дух и мироощущение доступными образными средствами. Его картины – это, скорее всего исторические фантазии на тему прошлого. «Рерих – вот высшая степень современного русского искусства. Он глубоко национален, ... он обращается к тому времени, когда она, Россия, еще создавалась, ищет влияний скандинавских, византийских и индийских. Своим творчеством Рерих открыл непочатые области духа, которые суждено разрабатывать нашему поколению» – так оценивал творчество художника его современник Н. Гумилев (Гумилев, 1909: 17).

Через образ большой нравственной силы выразил душу народа М. Нестеров в картине «Видение отроку Варфоломею». Легкость, прозрачность живописи Нестерова созвучна лирики А. Блока. И для художника и для поэта Русь – это некая неведомая тайна. Видимо поэтому редакция журнала «Новый путь» стихи А. Блока сопровождала репродукциями картин М. Нестерова. Русь для художника – это, прежде всего, ее народ. Странники, убогие, дети, крестьяне являются основными персонажами его картины «Святая Русь». Душу народа нельзя понять вне его веры. Но вот образ Христа, по мнению Л. Толстого, на полотне получился не таким, каким его представлял народ, похож он скорее был на итальянского певца (Гунн, 1990: 94). В первоначальном замысле на картине должны были быть представлены портреты Шаляпина и Горького. Замысел этот, по мнению А. Блока, был не случаен. Именно такие люди, выходцы из низов, являлись той тонкой нитью, которая связывала народ и интеллигенцию. Но со временем они оторвались от своих корней и, приобщившись к другой культуре, утратили органическую связь с народом, способность выражать его душу, так как были они уже не в нем, а вне него. Это понял и Нестеров. Но неудача не давала художнику покоя. И он снова возвратился к теме соборности, запечатлев ход русской истории на полотне «На Руси». Стремясь представить культуру России в некотором единстве как нечто надвременное и вечное, он избрал людей разных эпох: отрока Варфоломея, Достоевского, Толстого, слепого солдата войны 1914 г.

Над реалиями жизни поднимался Б. Кустодиев, изображая действительность как бесконечный праздник, такой, как она представляется народу в своем идеале. На его картинах все чисто и красиво, нет ни нищих, ни пьяных, царит безудержное веселье. Полотна его праздничны и нарядны, они убедительны в своей жизнеутверждающей силе. Как знатока народной жизни его пригласил Стравинский в 1912 г. для оформления пьес А. Островского (Докучаева, 1991: 88).

Проблемы настоящей жизни в большей степени волновали К. Петрова-Водкина. Обращаясь к современности, на своих картинах он возрождал традиции русской иконы и фрески. Будущее, светлое и прекрасное, символизирует его картина «Купание красного коня».

«Сибирская творческая интеллигенция происходила в основном из народа, так как в 1880–1890-е гг. она только начинает формироваться и складываться в определенный общественный слой, единственным источником формирования которого мог быть только народ» (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015: 975). Художники Сибири, являясь интеллигентами в первом поколении, отлично знали и понимали народную среду. Свои картины они обставляли богатым этнографическим материалом, что не всегда положительно сказывалось на художественном достоинстве произведения. Главной проблемой для них оставался поиск средств новой художественной выразительности, выработке оригинальной традиции, основанной на своем самобытном восприятии мира. Красноярский художник Д. Каратанов много путешествовал по Сибири, величественная природа которой вдохновляла его на создание прекрасных пейзажей. Центральное место в его творчестве занимали народы Сибири, изображенные в их естественной обстановке. «Непреходящей ценностью, вокруг которой формируется восприятие мира в этот период, становится «красота». И каждое творение художника должно было дать ощущение приобщения к прекрасному, вызывая восторг и преклонение перед красотой, которая в свою очередь должна была облагородить мир» (Gryaznukhina, Gryaznukhin, 2016: 808). Обостренное чувство красоты, тяга к прекрасному, были характерны для творчества художников рубежа веков. «Но для Каратанова и его компании она пролегла белым по черному» (ГАКК. Ф. 2620. Оп. 1. Д. 112. Л. 82). В красоте интеллигенция видела ту непреходящую, жизнеутверждающую ценность, которая противостояла напряженности и неуверенности, чувствовавшейся во всей окружающей обстановке. Через величественную красоту природы происходило осмысление исторического развития, прошлого и настоящего Сибири у красноярского художника А. Попова. Он был самоучкой, советы по живописи получал от В. Сурикова, когда тот приезжал на родину. Великому мастеру нравилось творчество земляка, о котором он отзывался благосклонно (ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 356).

Традиции фольклорного искусства нашли свое воплощение в творчестве Н. Гончаровой. Наивное, непосредственное восприятие мира характерное для стиля русских лубочных картинок, художница отразила в упрощенной трактовке образа царя Дадона в «Золотом петушке» Римского-Корсакова. М. Фокин поддержал это направление в хореографии (Поспелов, 2000: 66). Музыка, хореография, декорации, гармонично дополняя друг друга, давали целостное представление о лубочном народном искусстве. Выполнял лубки на военно-патриотические сюжеты художник А. Лентулов, стараясь передать военные события 1914 г. через восприятие их народом (Мурина, Джафарова, 1990: 98). Создавая свой автопортрет, он использовал приемы древнерусского искусства. Румяный добрый молодец, красивый в народном понимании, дан в плоскостном изображении, характерном для иконы и парсуны. Чтобы сделать искусство понятным для народа, художники пытались говорить его языком. Изображая быт старой Руси XVII в., А. Рябушкин использовал яркие краски народного лубка. Живой и одухотворенной представлена Русь на ярких полотнах Ф. Малявина.

Однако не всегда художникам заимствованные ими приемы народного творчества удавалось представить на должном уровне. На художественной выставке 1915 г. в Иркутске в основном был представлен лубок в виде открыток и картин. Главной темой являлась война, а главный герой – император Вильгельм II, изображенный чаще всего карикатурно. Везде обилие черной и красной краски. Некоторые картинки сопровождались поясняющими надписями. Так под изображением огромной русской женщины, поднимающей на вилы тщедушного, барахтающегося австрийца стоит надпись:

«Шел австриец в Радзивиллы,
Да попал на бабы вилы».

Критик Г. Гольдберг об этой выставке, в своей статье опубликованной в газете «Сибирь», писал, что выставка эта свидетельство того, какой урон понесла Россия, «бескровный урон, – но, тем не менее, громадный и ощутимый. В народ брошена неэстетическая, грубо размалеванная картина» (ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 370).

Народное музыкальное творчество в сознании интеллигенции всегда было связано с балалайкой. Познакомить слушателей с народной музыкой и привить к ней любовь – такую задачу поставил перед собой В. Авксентьев, организовавший оркестр балалаечников в Красноярске в 1908 г. На свои личные средства и деньги, собранные у музыкантов, он выписал инструменты из Петербурга. В 1910 г. устав оркестра был утвержден губернатором. Выступления оркестра пользовались неизменным успехом. Выступая на балу у купца Гадалова, на котором присутствовал и губернатор, музыкантам удалось преодолеть предвзятость почтенной публики, которая традиционно считала

народную музыку недостойной своего внимания. В это же время при клубе вольно-пожарного общества под руководством капельмейстера Восточносибирского полка Б. Шапиро был образован еще один оркестр балалаечников (Кривошея и др., 1983: 30, 32). Народная музыка становилась все более популярной и находила своего слушателя в интеллигентной среде.

В межреволюционный период в сознании российской интеллигенции происходило переосмысление настоящего и поиск новых ценностных ориентиров. Разочаровавшись в своих прежних идеалах, к прошлому России обратился А. Блок. Раздумья поэта об исторической судьбе России отразились в поэтическом цикле 1908 г. «На поле Куликовом». Черты русского национального характера нашли свое воплощение в образе Фаины, главной героини драматической поэмы «Песня Судьбы» (Гордович, 1997: 128). В прошлом, в далеких временах Куликовской битвы А. Блок искал силы для жизни и творчества.

В поисках гармонии, смысл которой для Н. Гумилева заключался в соединении красоты слова и смыслового содержания, поэт обращался к векам давно прошедшим, когда человек представлял себя частью природы, и это давало ему ощущение гармонии бытия. В стихотворном цикле «Колчан» он обращается к истории древней Руси, которая для него – это поэтический образ, «волшебница суrowая» (Гумилев, 1991: 128).

Угадать движение истории, выявить закономерности в ее развитии через анализ прошлого России пытался В. Брюсов. Образ Родины занимает центральное место в сборнике его стихов «Семь цветов радуги». Образ этот раскрывается как в пейзажных стихах, так и в стихах, посвященных истории России.

С шумом и скандалом ворвались в русскую литературу футуристы. Протестуя против всего наследия прошлого, они стремились создать язык нового искусства, которое, по их мнению, должно быть доступно и понятно массам. Стремясь стереть все барьеры между поэтом и читателем, вместо изысканных выражений символистов и акмеистов, они наполнили свою поэзию бытовым, жаргонным языком улиц. Однако, как заметил П. Милюков: «Несмотря на весь «рык и рев» могучей глотки Маяковского, эта поэзия по существу осталась недостойной и непонятной народу» (Милюков, 1994: 344). В погоне за словотворчеством футуристы оторвали слово от смысла, и стихи их становились бессодержательными, превращаясь в набор бессмысленных фраз.

Взаимоотношения интеллигенции и народа волновали М. Горького. В «Детях солнца», «Дачниках», «Варварах» он поднимает эти вопросы. Интеллигенция, по мнению писателя, является разумом народа, а народ – это воля. Разрыв между «разумом» и «волей» оборачивается трагедией для обоих. «Тревожное ощущение духовной оторванности интеллигенции – как разумного начала – от народной стихии всю жизнь более или менее настойчиво преследовало меня... Постепенно это ощущение перерождалось в предчувствие катастрофы» – писал Алексей Максимович (Горький, 1965: 81). Приоритетные права, считал писатель, всегда должны принадлежать коллективу, с которым у него отождествлялось понятие «народа». Личность же должна подчиняться интересам этого коллектива. Художник лишь фиксирует и передает настроение народа, который является вдохновителем художественного творчества. Революция, народное восстание – это, по его мнению, проявление творчества масс. Все, что творит народ, в том числе и насилие во имя будущей гармонии, оправдано историей, считал писатель. В период революционных событий 1905 г. М. Горький еще верил, что массы создадут свою новую культуру. Лишь события 1917 г. изменили его взгляды. К нему приходит понимание того, что говорить нужно не о пролетарской культуре, а о культуре как совокупности всех духовных ценностей. А невежество и жестокость – это враги культуры, которые находят внутри человека, являясь следствием недостатков его личного развития. Революция разрушает культуру. «На улицу выползает неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы начнут «творить историю русской революции». Одним словом – повторится та кровавая, бессмысленная бойня, которую мы уже видели, и которая подорвала во всей стране моральное значение революции, пошатнула ее культурный смысл» – писал Горький в «Несвоевременных мыслях» (Горький, 1990: 148). Однако не все русские интеллигенты обладали таким даром прозрения.

К сожалению, никакие благие намерения интеллигенции не могли преодолеть стену непонимания между ней и народом. Слишком глубокая пропасть разделяла две эти культуры. Благородное стремление сохранить и обновить народное искусство подтолкнуло княгиню Тенишеву к созданию в селе Талашкино художественно-ремесленных мастерских, в которых осуществлялись столярные, плотничьи, керамические работы, там занимались вышивкой, плетением кружев, ручным ткачеством под руководством профессиональных художников. А в 1905 г. эти же мужики грозили господам поджогом, самовольно рубили лес, отказывались работать. И только благодаря выдержке и твердому характеру княгини, Талашкино удалось отстоять (Петрова, Островская, 1990: 11). Отвлеченные понятия красоты оказались чуждыми для русского народа. Он стремился к реальной свободе, к владению реальной землей. «Народу нужен хлеб – не искусство, а будет он иметь хлеб, тогда и сам найдет себе путь к искусству» – таково было мнение представителей другой части интеллигенции (Пшибышевский, 1902: 102).

Очень болезненно, как личную трагедию воспринимала впечатлительная душа А. Блока непонимание между интеллигенцией и народом. И его раннюю смерть можно рассматривать как

результат глубокого духовного кризиса, повлекшего за собой физические болезни. Однако мужикам не было никакого дела до душевных страданий поэта. Наверяд ли, они вообще знали о его существовании. А в 1917 г. родовое имение Блока Шахматово они просто сожгли. «И, бросаясь к народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройки, на верную гибель?» – задавал поэт риторический вопрос (Блок, 1909: 84). В 1908 г. Блок в письме к Станиславскому писал: «Все мы, живые, так или иначе, к ней придем. Мы не придем, – она сама пойдет на нас, уже пошла... В таком виде стоит передо мной моя тема, тема России (вопрос об интеллигенции и народе, в частности). Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь» (Орлов, 1980: 380). В 1910 г. Блок создал поэму «Возмездие», пролог которой в черновиках назывался «Народ и поэт». Это была своеобразная художественная декларация, в которой он высказал свое представление о долге художника, обязанного определить свою жизненную позицию, руководствуясь определенными нравственными принципами.

В служении народу видела свой долг и интеллигенция Сибири. Один из лидеров сибирского областничества Н. Ядринцев считал, что сойтись с народом интеллигенция может, только познав его нужды. И только тогда искусство, создаваемое интеллигенцией, будет понятно и востребовано народом. «Сибирское искусство должно быть не только своеобразным, но и народным, должно идти от интересов масс... в их жизни черпать силы и идеи» – говорил Н. Ядринцев (ОРЛС, 1982: 418). Его взгляды разделял Г. Потанин. Он так же видел истоки сибирской художественной культуры в народном творчестве. Сибирский фольклор, мифы и легенды должны быть вдохновляющим началом для художника, развивать его воображение и фантазию. Сибирскую мифологию по своей значимости для местной интеллигенции, он сравнивал со значением древнегреческой мифологии для греков.

Весь трагизм сложившейся в России ситуации заключался в том, что между интеллигенцией и народом не было фактически никаких точек соприкосновения. Слишком велика была разница между ними в условиях жизни, интеллектуальном и эстетическом развитии. Поэзия Блока, Гумилева, Брюсова и других мастеров слова, живопись Нестерова и Рериха, Петрова-Водкина и Кустодиева, музыка Рахманинова и Стравинского – практически все творчество художественной интеллигенции рубежа веков, являясь гордостью русской культуры, носило сугубо элитарный характер. Это искусство было недоступно народу, оно просто не доходило до него, и в силу этого не было им востребовано. Д. Философов, известный литературный критик того времени писал, что со времен Петра Великого начинается пресловутый разрыв между интеллигенцией и народом. Он ощущается везде, но более всего в области религиозной. «Интеллигенция настроила себе церквей, которые были и будут чужды исконным чувствам и верованиям русского человека. Великолепные церкви Растрелли, полные жеманства и грации эпохи Людовика XV, прямо нелепы...как все предметы, абсолютно несоответствующие той цели, ради которой они сделаны. Так же неудачны и «римские термы» Исаакиевского собора» (Философов, 1910: 228). Попытку снова приблизиться к народу и найти средства для объединения двух лагерей сделал В. Васнецов, расписывая стены Владимирского собора. Неудачи этих попыток кроются в воинствующем атеизме русской интеллигенции, в категорическом неприятии православной веры, вне которой не мыслил свою жизнь русский народ. И поэтому именно в религии Бердяев, Булгаков, Франк видели спасение для интеллигенции и преодоления ее отщепенства от народа.

Патриотические чувства, захлестнувшие интеллигенцию накануне Первой мировой войны, по ее мнению должен был испытывать и народ. По свидетельству иркутского историка И. Серебренникова, в театрах города ставились патриотические спектакли, перед которыми часто исполнялось попури из оперы М. Глинки «Жизнь за царя», потом представляли пьесу. В антрактах военный оркестр исполнял русский, французский, сербский и английский гимны (ГАИО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 74). Народ же был далеко не в восторге от начавшейся войны. Да и у самой интеллигенции патриотические чувства стали убывать по мере осознания той трагедии, которую она несла в себе. Омский писатель А. Сорокин, понимая всю опасность войны и стараясь предотвратить ее ужасы, опубликовал в 1914 г. в «Омском вестнике» свой роман «Хохот желтого дьявола», экземпляры которого он разослал главам ведущих держав (ГАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 373. Л. 52).

Надежды на изменения к лучшему, несмотря на поражение революции, годы реакции и войны продолжали жить в сознании интеллигенции. Силы для творчества и выхода из духовного кризиса давало народное искусство. Именно к нему обратила свои взоры художественная элита России и Сибири. В нем искала источник вдохновения, возрождая народные традиции на профессиональном уровне. К интеллигенции приходит осознание того, что творчество имеет смысл тогда, когда оно востребовано народом. «Когда снова восстановится связь художника с творческой стихией народного духа... тогда художник делается одновременно и творцом и выразителем нашей культуры» - писал в 1909 г. журнал «Золотое руно» (Тастевен, 1909: 115).

5. Заключение

Тема России и ее народа и раньше волновавшая художников, музыкантов, поэтов, писателей, стала в межреволюционный период центральной, объединявшей все виды искусства. Попытка понять настоящее и найти пути для развития будущего искусства делалось через осмысление прошлого России. От древнерусской архаики до народного лубка – таков широкий диапазон, нашедший свое

отражение в творческом процессе после Первой русской революции. Синтез искусств, переплетение всех его видов и жанров, объединенных единой темой, единими задачами свидетельствовал о высоком уровне развития русской культуры рубежа веков.

Глобальные вопросы, стоящие перед русским обществом того времени, взялась решить творческая интеллигенция. Она верила в то, что искусство способно преобразить мир и поэтому чувствовала огромную ответственность перед настоящим и будущим страны. По мнению Н. Гумилева, поэты, являясь хранителями тайн искусства, могут переделать жизнь, подняв человека над обыденностью и повседневностью. Стремление изменить жизненные ориентиры современного общества объединило всю творческую интеллигенцию рубежа XIX–XX вв. Но главную проблему, наиболее остро стоявшую перед ней: своего взаимоотношения с народом ей решить не удалось, что негативно сказалось на судьбе интеллигенции и страны в период Великой Русской революции.

Литература

- Артамонова, 2000** – Артамонова Н.Я. Интеллигенция Восточной Сибири: опыт формирования и деятельности (конец XIX – середина XX вв.). М., 2000. 237 с.
- Блок, 1909** – Блок А. Россия и интеллигенция // *Золотое руно*. 1909. № 1. С. 78–85.
- ГАИО** – Государственный архив Иркутской области.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- ГАОО** – Государственный архив Омской области.
- Гордович, 1997** – Гордович К.Д. История отечественной литературы XX века. СПб., 1997. 320 с.
- Горький, 1965** – Горький М. Собр. соч. Т. 15. М., 1965.
- Горький, 1990** – Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. М., 1990. 400 с.
- Гумилев, 1909** – Гумилев Н. По поводу «Салона» Маковского // *Журнал театра литературно-художественного общества*. 1909. № 9–10.
- Гумилев, 1991** – Гумилев Н.С. Сочинения. В 3 т. Т. 1. М., 1991. 590 с.
- Гунн, 1990** – Гунн Г. Очарованная Русь. М., 1990. 228 с.
- Данькина, 2015** – Данькина Н.А. Современная историография интеллигенции Восточной Сибири // *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2015. № 4 (12). С. 110–114.
- Докучаева, 1991** – Докучаева В.Н. Борис Кустодиев. Жизнь в творчестве. М., 1991. 206 с.
- Друскин, 1982** – Друскин М. Игорь Стравинский. Личность, творчество, взгляды. Исследования. Л., 1982. 208 с.
- Жидков, 2001** – Жидков В.С. Российская интеллигенция, большевизм, революция // *Русская интеллигенция. История и судьба*. М. 2001. 423 с. С. 272–298.
- Иванов, 1909** – Иванов В. О русской идее // *Золотое руно*. 1909. № 2-3. С. 87–94.
- Калашникова, 2008** – Калашникова О.В. Досуговая составляющая повседневной жизни городской интеллигенции Западной Сибири второй половины XIX в. // *Омский научный вестник*. 2008. № 2 (66). С. 26–30.
- Кассу, 1998** – Кассу Ж., Брюнель П., Клодон Ф. и др. Энциклопедия символизма. Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка. М., 1998. 429 с.
- Козлова, 1995** – Козлова О.Н. Интеллигенция в российском обществе // *Социально-политический журнал*. 1995. № 1. С. 161–175.
- Кривошея и др., 1983** – Кривошея Б.Г., Лаврушева Л.Г., Прейсман Э.М. Музыкальная жизнь Красноярск. Красноярск, 1983. 176 с.
- Кристиан, 2000** – Кристиан Д. Символисты и декаденты. М., 2000. 91 с.
- Мережковский, 1900** – Мережковский Д. Лев Толстой и Достоевский // *Мир искусства*. 1900. № 1-12. Т. 3-4. С. 1–7.
- Мережковский, 1993** – Мережковский Д. Грядущий Хам // *Интеллигенция. Власть. Народ: антология*. М., 1993. С. 81–104.
- Мережковский, 1993** – Мережковский Д.С. Грядущий Хам // *Интеллигенция. Власть. Народ: антология*. М., 1993. С. 91–104.
- Милюков, 1994** – Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2, ч. 1. М., 1994. 416 с.
- Милюков, 1994** – Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. М., 1994.
- Мунтян, 1992** – Мунтян М.А. Интеллектуал, интеллигент и отношения с властью // *Кентавр*. 1992. Ноябрь-декабрь. С. 4–7.
- Мурина, Джафарова, 1990** – Аристарх Лентулов: Путь художника. Художник и время / Авт.-сост. Е.Б. Мурина, С.Г. Джафарова/. М., 1990. 272 с.
- Орлов, 1980** – Орлов В. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1980. 725 с.
- ОРЛС** – Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. Новосибирск, 1982. 606 с.
- Петрова, Островская, 1990** – Петрова О.Ф., Островская Е.П. Николай Рерих. М., 1990. 32 с.
- Поспелов, 2000** – Поспелов Г.Г. Русское искусство XX века: судьба и облик России. М., 2000. 128 с.

- Потанин, 1908** – Потанин Г.Н. Города Сибири. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды : сб. статей. СПб., 1908. 294 с. С. 243–290.
- Пишибышевский, 1902** – Пишибышевский С. На путях души // *Мир искусства*. 1902. № 5-6. 116 с.
- Русская интеллигенция, 2001** – Русская интеллигенция. История и судьба. М., 2001. 423 с.
- Самойлова, 2006** – Самойлова Е.В. Роль интеллигенции в развитии социокультурного пространства губернских городов Западной Сибири во второй половине XIX века // *Известия Челябинского научного центра*. 2006. Вып. 4(34). С. 148–152.
- Соловцов, 1969** – Соловцов А.А. С.В. Рахманинов. М., 1969. 175 с.
- Стравинский, 1962** – Стравинский И. Интервью // *Комс. правда*. 1961. 27 сент.
- Тастевен, 1907** – Тастевен Г. Ницше и современный кризис // *Золотое руно*. 1907. № 7-9. С. 110–115.
- Троякова, 2013** – Троякова Ю.К. История интеллигенции Южной Сибири в исследованиях конца XX – начала XXI века // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. № 36 (327). С. 108–112.
- Философов, 1901** – Философов Д. Иванов и Васнецов в оценке Александра Бенуа // *Мир искусства*. 1901. № 10. С. 217–233.
- Художественная жизнь, 2000** – Художественная жизнь Сибири начала XX века : мат-лы регион. науч.- практ. конф. Томск, 2000. 214 с.
- Finkel, 2003** – Finkel S. Purging the Public Intellectual: The 1922 Expulsions from Soviet Russia. *Russian Review*. 2003. Vol. 62. Iss. 4. pp. 589–613.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015** – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*, 2015, Vol. 38, Is. 4, pp. 972–981.
- Gryaznukhina, Gryaznukhin, 2016** – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Severyanov M.D., Pfanenshtil I.A. Creativ Intelligentsia in Socio-Political Processes of the Epoch of the First Russian Revolution. *Bylye Gody*, 2016, Vol. 41, Is. 3, pp. 804–812.
- Pereira, 1993** – Pereira N.G.O. The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia. *Russian History*, 1993. Vol. 20. Iss 4. pp. 163–178.
- Schumann, 2010** – Schumann D. Between trauma and dream: Images of Siberia in texts by Wacław Sieroszewski and Hanna Krall. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 2010. Vol. 67. Iss. 2. pp. 335–375.

References

- Artamonova, 2000** – Artamonova N. Ja. (2000). Intelligencija Vostochnoj Sibiri: opyt formirovaniya i dejatel'nosti (konec XIX – seredina XX vv.) [The intelligentsia of Eastern Siberia: experience of formation and activity (end of XIX – middle of XX centuries)]. Moscow. 237 p. [In Russian].
- Blok, 1909** – Blok A. (1909). Rossiya i intelligencija [Russia and the intelligentsia]. *Zolotoe runo*. Iss. 1. pp. 78–85. [In Russian].
- Dan'kina, 2015** – Dan'kina N.A. (2015). Sovremennaja istoriografija intelligencii Vostochnoj Sibiri [Modern historiography of the intelligentsia of Eastern Siberia]. *Nauchnoe obozrenie Sajano-Altaja*. Vol. 12. Iss. 4. pp. 110–114. [In Russian].
- Dokuchaeva, 1991** – Dokuchaeva V.N. (1991). Boris Kustodiev. Zhizn' v tvorchestve [Boris Kustodiev. Life is in the works]. Moscow. 206 p. [In Russian].
- Druskin, 1982** – Druskin M. (1982). Igor' Stravinskij. Lichnost', tvorchestvo, vzgljady. Issledovanija [Igor Stravinsky. Personality, creativity, views. Research]. Leningrad. 208 p. [In Russian].
- Filosofov, 1901** – Filosofov D. (1901). Ivanov i Vasнецov v ocenke Aleksandra Benua [Ivanov, Vasnetsov in Alexander Benois]. *Mir iskusstva*. Iss. 10. pp. 217–233. [In Russian].
- GAIO** – Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti [State archive of Irkutsk region].
- GAKK** – Gosudarstvennyj arhiv Krasnojarskogo kraja [State archive of Krasnoyarsk region].
- GAOO** – Gosudarstvennyj arhiv Omskoj oblasti [State archive of the Omsk region].
- Gordovich, 1997** – Gordovich K.D. (1997). Istorija otechestvennoj literatury XX veka [History of Russian literature of XX century]. Saint Petersburg. 320 p. [In Russian].
- Gor'kij, 1965** – Gor'kij M. (1965). Sobr. Soch [Works]. Vol. 15. Moscow. [In Russian].
- Gor'kij, 1990** – Gor'kij M. (1990). Nesvoevremennye mysli: zametki o revoljucii i kul'ture [Untimely thoughts: notes on revolution and culture]. Moscow. 400 p. [In Russian].
- Gumilev, 1909** – Gumilev N. (1909). Po povodu «Salona» Makovskogo [About the "Salon" Makovsky]. *Zhurnal teatra literaturno-hudozhestvennogo obshhestva*. 1909. Iss. 9–10. [In Russian].
- Gumilev, 1991** – Gumilev N.S. (1991). Sochinenija [Works]. V 3 t. T. 1. Moscow. 590 p. [In Russian].
- Gunn, 1990** – Gunn G. (1990). Ocharovannaja Rus' [Fascinated By Russia]. Moscow. 228 p. [In Russian].
- Hudozhestvennaja zhizn', 2000** – Hudozhestvennaja zhizn' Sibiri nachala XX veka: mat-ly region. nauch.- prakt. konf. [The artistic life of Siberia in the early XX century: materials of the region. scientific.- pract. conf.]. Tomsk. 2000. 214 p. [In Russian].
- Ivanov, 1909** – Ivanov V. (1909). O russkoj idee [About the Russian idea]. *Zolotoe runo*. Iss. 2-3. pp. 87–94. [In Russian].

- Kalashnikova, 2008** – *Kalashnikova O.V.* (2008). Dosugovaja sostavljajushhaja povsednevnoj zhizni gorodskoj intelligencii Zapadnoj Sibiri vtoroj poloviny XIX v. [Leisure component of the everyday life of urban intelligentsia of the Western Siberia of the second half of the XIX century]. *Omskij nauchnyj vestnik*. Vol. 66. Iss. 2. pp. 26–30. [In Russian].
- Kassu, 1998** – *Kassu Zh., Brjunel' P., Klodon F.* etc. (1998). Jenciklopedija simbolizma. Zhivopis', grafika i skulptura. Literatura. Muzyka [Encyclopedia of symbolism. Painting, drawing and sculpture. Literature. Music]. Moscow. 429 p. [In Russian].
- Kozlova, 1995** – *Kozlova O.N.* (1995). Intelligencija v rossijskom obshhestve [The intelligentsia in Russian society]. *Social'no-politicheskij zhurnal*. Vol. 1. pp. 161–175. [In Russian].
- Kristian, 2000** – *Kristian D.* (2000). Simvolisty i dekadenty [The symbolists and decadents]. Moscow, 2000. 91 p. [In Russian].
- Krivosheja i dr., 1983** – *Krivosheja B.G., Lavrusheva L.G., Prejsman Je.M.* (1983). Muzykal'naja zhizn' Krasnojarska [The musical life of Krasnoyarsk]. Krasnoyarsk. 176 p. [In Russian].
- Merezhkovskij, 1900** – *Merezhkovskij D.* (1900). Lev Tolstoj i Dostoevskij [Tolstoy and Dostoevsky]. *Mir iskusstva*. Vol. 3-4. Iss. 1-12. pp. 1–7. [In Russian].
- Merezhkovskij, 1993** – *Merezhkovskij D.* (1993). Grjadushhij Ham [Coming Ham]. Intelligencija. Vlast'. Narod: antologija. Moscow. pp. 81–104. [In Russian].
- Miljukov, 1994** – *Miljukov P.N.* (1994). Ocherki po istorii ruskoj kul'tury. In 3 v. V. 2, Iss. 1. Moscow. 416 p. [In Russian].
- Muntjan, 1992** – *Muntjan M.A.* (1992). Intel'ktual, intelligent i otnoshenija s vlast'ju [Intellectual, intellectual, and relationship with the government]. *Kentavr*. Nojabr'-dekabr'. pp. 4–7. [In Russian].
- Murina, Dzhafarova, 1990** – *Aristarkh Lentulov: Put' hudozhnika. Hudozhnik i vremja* [Aristarkh Lentulov: the artist's Way. The artist and the time] / Avt.-sost. E.B. Murina, S.G. Dzhafarova/. Moscow, 1990. 272 p. [In Russian].
- Orlov, 1980** – *Orlov V.* (1980). Gamajun. Zhizn' Aleksandra Bloka [Humayun. The Life of Alexander Blok]. Leningrad. 725 p. [In Russian].
- ORLS** – Ocherki ruskoj literatury Sibiri [Essays on Russian literature of Siberia]. Vol. 1. Novosibirsk, 1982. 606 p. [In Russian].
- Petrova, Ostrovskaja, 1990** – *Petrova O.F., Ostrovskaja E.P.* (1990). Nikolaj Rerih [Nicholas Roerich]. Moscow. 32 p. [In Russian].
- Pospelov, 2000** – *Pospelov G.G.* (2000). Russkoe iskusstvo XX veka: sud'ba i oblik Rossii [Russian art of the XX century: the fate and character of Russia]. Moscow. 128 p. [In Russian].
- Potanin, 1908** – *Potanin G.N.* (1908). Goroda Sibiri. Nuzhdy Sibiri: Sibir', ee sovremennoe sostojanie i ee nuzhdy : sb. statej [City of Siberia. Needs of Siberia. Siberia, its current status and its needs: collection of articles]. Saint Petersburg. 294 p. pp. 243–290. [In Russian].
- Pshibyshevskij, 1902** – *Pshibyshevskij S.* (1902). Na putjah dushi [In the ways of the soul]. *Mir iskusstva*. Iss. 5-6. 116 p. [In Russian].
- Russkaja intelligencija, 2001** – *Russkaja intelligencija. Istorija i sud'ba*. Moscow, 2001. 423 p. [In Russian].
- Samojlova, 2006** – *Samojlova E.V.* (2006). Rol' intelligencii v razvitii sociokul'turnogo prostranstva gubernskih gorodov Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX veka [The role of intellectuals in the development of socio-cultural space of the provincial cities of Western Siberia in the second half of the XIX century]. *Izvestija Cheljabinskogo nauchnogo centra*. Vol. 34. Iss. 4. pp. 148–152. [In Russian].
- Solovcov, 1969** – *Solovcov A.* (1969). S.V. Rahmaninov [S.V. Rachmaninoff]. Moscow. 175 p. [In Russian].
- Stravinskij, 1962** – *Stravinskij I.* (1962). Interv'ju [Interview]. *Komsomolskaja Pravda*. 27 sept. [In Russian].
- Tasteven, 1907** – *Tasteven G.* (1907). Nicshe i sovremennyj krizis [Nietzsche and the modern crisis]. *Zolotoe runo*. Iss. 7-9. pp. 110–115. [In Russian].
- Trojakova, 2013** – *Trojakova Ju.K.* (2013). Istorija intelligencii Juzhnoj Sibiri v issledovanijah konca XX – nachala XXI veka [The history of the intelligentsia of southern Siberia in the studies of the late XX – early XXI century]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 327. Iss. 36. pp. 108–112. [In Russian].
- Zhidkov, 2001** – *Zhidkov V.S.* (2001). Rossijskaja intelligencija, bol'shevizm, revoljucija [The Russian intelligentsia, the Bolsheviks, the revolution]. *Russkaja intelligencija. Istorija i sud'ba*. Moscow. 423 p. pp. 272–298. [In Russian].
- Finkel, 2003** – *Finkel S.* (2003). Purging the Public Intellectual: The 1922 Expulsions from Soviet Russia. *Russian Review*. Vol. 62. Iss. 4. pp. 589–613.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015** – *Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V.* (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX centuries. *Bylye Gody*, Vol. 38, Is. 4, pp. 972–981.
- Gryaznukhina, Gryaznukhin, 2016** – *Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Severyanov M.D., Pfanenshtil I.A.* (2016). Creativ Intelligencija in Socio-Political Processes of the Epoch of the First Russian Revolution. *Bylye Gody*, Vol. 41, Is. 3, pp. 804–812.

Pereira, 1993 – Pereira N.G.O. (1993). The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia. *Russian History*, Vol. 20. Iss 4. pp. 163–178. [In English].

Schumann, 2010 – Schumann D. (2010). Between trauma and dream: Images of Siberia in texts by Waclaw Sieroszewski and Hanna Krall. *Zeitschrift fur Slavische Philologie*, Vol. 67. Iss. 2. pp. 335–375. [In English].

УДК 93/94

Интеллигенция и народ между русскими революциями (1905–1917 гг.)

Татьяна Владимировна Грязнухина^а, Анна Александровна Сейтканова^а,
Александр Григорьевич Грязнухин^{а, *}, Денис Николаевич Гергилев^а, Лариса Федоровна Малютина^а

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. На рассмотрение в данной статье представлены вопросы, освещающие основные аспекты творческой деятельности художественной интеллигенции рубежа XIX–XX вв. События Первой русской революции, продемонстрировав всю мощную силу народной стихии, заставили интеллигенцию переосмыслить свое отношение к народу. Тема народа и раньше присутствовавшая в творчестве интеллигенции, получает новое звучание и находит новые формы художественной выразительности. Обращение к народной тематике, по мнению интеллигенции, поможет ей понять душу народа и решить проблему ее взаимоотношения с ним. История России и история народа в глазах интеллигенции представляли собой единого целое, и поэтому обращение к прошлому доминирует в тематике ее творчества. Попытки глубже осмыслить миропонимание народа заставляли интеллигенцию более пристально обратиться к методам народного творчества. В зависимости от художественного вкуса и эстетических предпочтений художники обращали свое внимание на фольклор, фреску, икону, лубок – все то, что составляло основу народного творчества. Процессы, происходившие в художественной жизни России, нашли свое отражение в среде творческой интеллигенции Сибири. Сибирская интеллигенция, являясь в большинстве случаев интеллигенцией первого поколения, не ощущала своей оторванности от народа в такой степени, как это было в России. И главную свою миссию она так же, как и российская интеллигенция видела в служении народу, который являлся главным источником вдохновения для ее творчества. В статье показано отражение народной тематике в творчестве наиболее выдающихся представителей художественной интеллигенции, обоснована ее роль и значение для развития культуры в целом и невозможность, несмотря на все ее искреннее стремление, найти понимание в народной среде.

Ключевые слова: интеллигенция, народ, творчество, культура, Россия, Сибирь, революция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), annakesarevna@mail.ru (А.А. Сейтканова), agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), turilak@yandex.ru (Д.Н. Гергилев), malutina@mail.ru (Л.Ф. Малютина)